

Учение о пророке в философии Маймонида и проретической каббале Авраама Абулафии

Анофриев Илья Сергеевич

Студент

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, философский
факультет, Москва, Россия

E-mail: iaormsu@mail.ru

Личность Авраама Бен Шмуэля Абулафии представляет собой одну из самых выдающихся фигур в истории каббалы до Ицхака Лурии. Не смотря на то, что при жизни Абулафия подвергался резкой критике со стороны «ортодоксальных» (по выражению Г. Шолема) каббалистов, на него, как на высший авторитет, ссылаются виднейшие представители лурианской каббалы Моше Кордоверо (1522(?)-1570) и Хаим Виталь (1542-1620). Критика современных Абулафии каббалистов не в последнюю очередь обусловлена отсутствием у него раввинистического образования, обладание которым считалось необходимым условием для посвящения в тайны мистической теории и практики. Однако недостатки в знакомстве с талмудической литературой Абулафия небезуспешно компенсировал широкими познаниями в современной ему философии, занятиям которой он усердно предавался во время своих странствий по Ближнему Востоку, Италии и Греции. Особенно глубоким был его интерес к философии Маймонида. Впоследствии, создавая свою оригинальную мистическую систему, Абулафия постоянно обращался к «Путеводителю растерянных», считая собственную теорию продолжением этого трактата. Представляется интересным рассмотреть вопрос о влиянии Маймонида на центральный момент системы Абулафии – учение о пророке.

Представляется важным подчеркнуть, тема пророка занимает не последнее место в философии самого Маймонида. О важности этого вопроса свидетельствует посвященный определению пророчества шестой пункт «символа веры» иудаизма, сформулированного философом в трактате «Комментарий к Мишне». Пророчеству посвящена почти вся вторая часть «Путеводителя растерянных», где оно получает следующее определение: «Пророчество есть определенное совершенство в природе человека» (Путеводитель растерянных, II, 32); ниже уточняется: «Истинная реальность и сущность пророчества состоят в том, что оно есть истечение, происходящее от Бога (да будет Он любим и прославляем!) и воспринимаемое через промежуточную инстанцию Активного Интеллекта, сперва рациональной способностью, а затем способностью воображения» (Там же, 36). Рациональная способность пророка должна быть совершенна. для этого необходимо наличие нескольких условий: во-первых, устройство мозга должно быть безупречным; во-вторых, пророк должен владеть всеми уровнями физики (Маасе Берешит) и метафизики (Маасе Меркава); в-третьих, его нравственность, основанная на соблюдении заповедей Торы, безупречна; в-четвертых, он свободен от всех чувственных желаний и суетных амбиций, его мысли всецело заняты Богом. Кроме того, совершенными должны быть и его телесные способности, а именно: 1) совершенная способность воображения, т.е. сохранение образов видений и их комбинирование; 2) совершенная способность прорицания, нечто вроде обостренной интуиции (см. «Путеводитель растерянных» II, 38); 3) совершенная способность бесстрашия. Поясняя ее, Маймонид приводит пример поведения Моисея перед фараоном. Рамбам добавляет еще один пункт, согласно Священному Писанию. Совершенный человек может начать пророчествовать лишь тогда, когда это будет позволено ему Богом.

Ко всему сказанному стоит добавить, само пророчество имеет в своей основе проретическое видение, во время которого с пророком говорит либо Сам Бог, либо один из Его ангелов. Т.е. принципиальное значение отводится восприятию Божественной речи. Маймонид предлагает классификацию ступеней пророчества (всего одиннадцать ступеней). Все ступени с первой по десятую используют способность воображения как опосредующую содержание видений способность. На высшей одиннадцатой, самой совершенной ступени, способность воображения не требуется. Моисей – единственный,

по мнению Маймонида, пророк, достигший этой ступени. Только он мог слышать речь Бога непосредственно.

Следует помнить, что философия Рамбама не единственный источник, из которого Абулафия черпал вдохновение. Не меньшее влияние на его духовное развитие оказала «Книга созидания» («Сефер йецира») и комментарий к ней, написанный Барухом Тогарми, а также учение Йехуды га-Когена и три каббалистических метода работы с еврейским алфавитом (гематрия, нотарикон и тмура) Элазара Бен Йехуды из Вормса. В соответствии с этими источниками Абулафия своеобразно развивает идеи Маймонида. Требования нравственного и умственного совершенства к пророку и схема получения пророческого откровения как временного контакта разума пророка и Активного Интеллекта, безусловно, сохраняются. Однако, основываясь на работах Йехуды га-Когена (в частности, Мидраш ха-хохма), Абулафия предлагает форсированный путь освоения физикой и метафизикой путем медитации над буквами еврейского алфавита и особенно над буквами Божественного Имени (тетраграмматон), поскольку наука о буквах включает в себя все прочие науки. Для того, чтобы лучше подготовить человеческий разум к принятию эманации, исходящей от Активного Интеллекта, Абулафия разрабатывает особую дисциплину хохмат га-церуф (наука комбинирования букв), позволяющую освободить внимание от повседневных восприятий и сосредоточиться на Божественном. К пророку также предъявляется требование соблюдения заповедей Торы на экзотерическом уровне, а также познание их на эзотерическом уровне, который открывает Закон как переплетение Божественных Имен. Именно знание Торы на этом уровне открывает мистику путь к слиянию его разума и Активного Интеллекта и к возможности теургического влияния на земной и божественный миры (хотя сам Абулафия решительно отвергает осуществление этой возможности). Следует отметить, что у Абулафии, в отличие от Маймонида, нет четкого разделения между Богом и Активным Интеллектом, поскольку последний в некоторых текстах («Сефер Эдут») отождествляется с ангелом Метатроном и Самим Богом, как Шаддаем (численное значение имен «Метатрон» и «Шаддай» одинаково). Наконец, особо следует подчеркнуть, что для Абулафии, на высшем уровне пророчества важно отделение разума мистика от всего материального и уподобление его Богу как «Познания», «Познающего» и «Познаваемого» (Сехель, Маскиль и Мускаль) одновременно, в то время как у Рамбама сохраняется известная дистанция между разумом пророка и Активным Интеллектом, не говоря уже об удаленности пророка от Бога.

Таким образом, мистическая традиция, связанная с «Книгой созидания» (эту традицию Маймонид полностью игнорирует в своих сочинениях) и работами предшественников Абулафии, позволяет ему существенно развить идеи Маймонида вплоть до их практического осуществления с помощью метода хохмат га-церуф. Маймонид, со свойственным ему пессимизмом в оценке способностей человеческого разума, не считал возможным появления пророка, отвечающего изложенным им критериям, в современный ему период или в последующее время. Абулафия, подкрепляя свои идеи личным пророческим опытом (себя он считал «классическим» пророком), исходил из возможности получения откровения каждым, кто бы этого пожелал. Основой для подобного убеждения послужила концепция «Книги созидания», устанавливающая структурное подобие между миром человеческим и миром Божественным.

Литература.

1. Сират К. История средневековой еврейской философии. М.: Мосты культуры/Гешарим, 2003
2. Шолем Г. Основные течения в еврейской мистике. М.: Мосты культуры/Гешарим, 2004
3. www.eleven.co.il (Электронная Еврейская Энциклопедия)